
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 343.85
ББК 67.515

В.А. Авдеев
*доктор юридических наук, профессор,
Байкальский государственный университет экономики и права,
г. Иркутск, Российская Федерация*

О.А. Авдеева
*доктор юридических наук,
Сибирская академия права, экономики и управления,
г. Иркутск, Российская Федерация*

КОНЦЕПЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА И ОПТИМИЗАЦИИ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ*

В контексте активного обсуждения в рамках научного сообщества, практических и общественных кругов статья содержит анализ разработанного экспертами Комиссии Общественной палаты РФ по проблемам безопасности граждан и взаимодействию с системой судебно-правоохранительных органов проекта Концепции уголовно-правовой политики РФ. В основу правового анализа положены методологические основы правового регулирования общественных отношений. Дано соотношение правовых категорий «правовая политика», «уголовно-правовая политика», «уголовная политика». Определены базовые принципы правовой политики. Рассмотрено соотношение сложившегося в рамках юридических школ дореволюционного периода разграничения двух направлений – законодательной и правоприменительной правовой политики. Раскрыты проблемы, связанные с трансформацией санкций уголовного закона, интеллектуальным обеспечением уголовной политики, соотношением гуманизма и репрессии как принципов уголовной политики; вопросы уголовно-предупредительной политики как элемента уголовной политики. Исследованы детерминанты недостаточной эффективности проводимой на современном этапе развития российского государства уголовно-правовой политики. Дан анализ соответствия российского уголовного законодательства конституционным принципам и международным стандартам. Отражены несогласованность норм уголовного и иного отраслевого законодательства, внутриотраслевые коллизии уголовного законодательства, проблемы реализации уголовного закона на правоприменительном уровне. Высказаны предложения по системному подходу к оптимизации законодательной, организационно-практической, оперативной, правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: правовая политика; уголовно-правовая политика; уголовная политика; концепция уголовно-правовой политики; уголовное законодательство; криминализация и декриминализация деяний; пенализация и депенализация.

---

* Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания № 2014/52 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части проекта № 2706 «Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия преступности».

V.A. Avdeev

*Doctor of Law, Professor,
Baikal National University of economics and law,
Irkutsk, Russian Federation*

O.A. Avdeeva

*Doctor of Law,
Siberian Academy of law, economics and management,
Irkutsk, Russian Federation*

CRIMINAL LEGAL POLICY CONCEPT OF THE RUSSIAN FEDERATION: MAIN DIRECTIONS OF CRIMINAL LAW IMPROVEMENT AND CRIME COUNTERACTION MEASURES OPTIMIZATION

Abstract

The article provides with analysis of Public Chamber of the Russian Federation Committee on citizens security and interaction with law-enforcement agencies experts developed draft Concept of criminal legal policy of the Russian Federation. This analysis is provided in terms of its active discussion within scientific community, practical and civic circles. Legal analysis is based on methodological fundamentals of legal regulation of social relations. The author reveals relation between terms «legal policy», «criminal legal policy», «criminal policy». The article defines basic principles of legal policy. The author studies 2 main directions – legislative legal policy and law-enforcement legal policy – developed within pre-revolutionary schools of law. The article discovers problems related to criminal law sanctions transformation; legal policy intellectual support; relation of humanism and repression as criminal policy principles; issues of criminal preventive policy as element of criminal policy. The author studies determinants of unsufficient effectiveness of current criminal legal policy in Russia. The article analyses Russian criminal legislation adherence to constitutional principles and international standards. The author notes inconsistency between criminal and other regulations, criminal legislation inner collisions, and problems of criminal law realization on the law-enforcement level. The author gives suggestions on system approach to legislative, organizational practical, operative and law-enforcement activity improvement.

Key words: legal policy; criminal legal policy; criminal policy; criminal legal policy concept; criminal legislation; criminalization and decriminalization of acts; penalization and de-penalization.

Наметившееся обновление российской правовой системы предполагает доктринальное и законодательное обеспечение прав и свобод человека как высшей ценности государства, реализацию практических мер по укреплению законности и правопорядка. В современных условиях обновления правовой государственности и развития институтов гражданского общества стратегической задачей государства является разработка правовой политики, обеспечивающей стандартизацию в национальной системе права универсальных международно-правовых норм с учетом социально-культурной, правовой, цивилизационной самобытности сложившихся элементов социально-экономической и политико-правовой сфер жизнедеятельности российского общества. Существенное значение в создании

«действенного механизма правового регулирования» имеет уголовно-правовая политика, содействующая реализации позитивного права, направленного на восстановление справедливости посредством принятия адекватных мер, обеспечивающих неотвратимость и соразмерность ответственности за содеянное [1; 2; 4].

В этой связи совершенно обоснованной явилась разработка экспертами Комиссии Общественной палаты РФ по проблемам безопасности граждан и взаимодействию с системой судебно-правоохранительных органов проекта Концепции уголовно-правовой политики РФ. В Пояснительной записке к проекту Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации раскрываются факторы, снижающие эффективность уголовно-правовой политики, и акцентируется внимание на необходи-

мости совершенствования организационных основ уголовно-правовой политики, ее научно-методического обеспечения [5, с. 5]. Обнародование проекта Концепции уголовно-правовой политики РФ предопределило активное обсуждение представленных инициатив в рамках научного сообщества, практических и общественных кругов. Среди «значимых факторов», актуализировавших принятие данной Концепции, отмечается недостаточная эффективность проводимой на современном этапе развития российского государства уголовно-правовой политики, в том числе неполное соответствие российского уголовного законодательства конституционным принципам и международным стандартам, несогласованность норм уголовного и иного отраслевого законодательства, проблемы реализации принципов неотвратимости и соразмерности уголовной ответственности, недостаточная регламентация уголовно-правового статуса потерпевшего, отсутствие достаточно четких критериев отграничения преступлений от иных видов правонарушений, внутриотраслевые коллизии уголовного законодательства, проблемы реализации уголовного закона на правоприменительном уровне. Активная научная полемика ведется относительно трансформации санкций уголовного закона, проблемы интеллектуального обеспечения уголовной политики, проблемы концентрации репрессии как принципа уголовной политики, уголовно-предупредительной политики как элемента уголовной политики, объема и пределов криминализации и декриминализации деяний, пенализации и депенализации.

Необходимость принятия Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации предопределяется целесообразностью нормативно-правового определения намеченных государством основных направлений противодействия преступности [1, с. 28]. Анализ внесенных в текст Уголовного кодекса РФ редакции 1996 г. изменений свидетельствует о не всегда последовательной уголовно-правовой политике, влекущей принятие недостаточно научно обоснованных, социально обусловленных, взвешенных, аргументированных и оправданных решений, послуживших актуализации проблемы эффективности уголовного закона. Отсутствие надлежащей законодательной экспертизы создает условия для внесения в уголовно-правовые нормы изменений и дополнений редакционного характера, негативно

отражающихся на эффективности реализуемой правоприменительной деятельности. В подтверждение сказанного следует отметить, что намеченная тенденция снижения численности зарегистрированных преступлений в период 2010–2013 гг. на 16,1 % сопровождается стабильно высокими показателями доли среди выявленных лиц, ранее совершавших преступления: 2010 г. – 35,8 %; 2011 г. – 40,7 %; 2012 г. – 44,7 %; 2013 г. – 47,7 %. В 2013 г. среди выявленных лиц, ранее совершавших преступления, удельный вес ранее судимых составил 66,7 %. В исследуемом перечне отмечается рост доли лиц, совершивших преступления, признанных опасным или особо опасным рецидивом: 2010 г. – 3,8 %; 2011 г. – 3,9 %; 2012 г. – 4,0 %; 2013 г. – 4,1 % [11]. Таким образом, положительная динамика снижения уровня регистрируемой преступности сопряжена с неблагоприятными тенденциями повышения уровня лиц, повторно совершивших преступления. Среди факторов, детерминировавших указанные негативные последствия правовых преобразований, необходимо выделить непоследовательность методов реализации уголовно-правовой политики, таких как криминализация, декриминализация, пенализация, депенализация, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности.

В качестве примеров недостаточно последовательной и аргументированной криминализации (декриминализации) общественно опасных деяний можно привести следующие изменения, внесенные в Уголовный кодекс РФ. Так, Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» подвергает декриминализации причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности в ст. 118 УК РФ, сохраняя указанное уголовно-правовое последствие в составе неоказания помощи больному (ч. 1 ст. 124 УК РФ). Однако при этом нарушение правил охраны труда признается уголовно наказуемым деянием при условии наступления по неосторожности причинения тяжкого вреда здоровью работника (ч. 1 ст. 143 УК РФ).

Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» осуществляет декриминализацию преступле-

ний, предусмотренных ст. 129, 130, 298 УК РФ, несмотря на общественную опасность рассматриваемых деяний (на момент принятия данного законодательного решения удельный вес осужденных по ст. 129, 130 УК РФ составлял 0,4 %), сложившийся отечественный и зарубежный правовой опыт уголовно-правовой защиты охраняемых объектов от противоправных посягательств [3, с. 23]. Впоследствии, с учетом социальной опасности посягательств на честь и достоинство личности, Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» состав клеветы подлежал законодательной регламентации в ст. 128¹ УК РФ при выраженных различиях объектов уголовно-правовой охраны, поставленных под защиту при посягательстве на личную свободу человека, связанную с незаконным помещением в медицинское учреждение (ст. 128 УК РФ) и посягательствами на честь и достоинство личности (ст. 128¹ УК РФ). При этом сохраняется декриминализация оскорбления, являющегося по законодательству РФ, несмотря на общественную опасность и реальную угрозу для общественных отношений, административным правонарушением.

Примечательно, что декриминализация Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. основного состава контрабанды, предусмотренного ст. 188 УК РФ, сопровождается законодательной регламентацией его квалифицированных видов в ст. 226¹, 229¹ УК РФ. Федеральный закон от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ вновь вводит контрабанду наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200¹ УК РФ) в перечень преступлений экономической направленности. Непоследовательность реализуемой декриминализации подтверждается последующим введением в уголовный закон вместо одного состава контрабанды трех ее разновидностей в гл. 22, 24, 25 УК РФ. Процесс криминализации указанных деяний сопряжен с соответствующей пенализацией, включая дополнения в ст. 104¹ УК РФ, направленные на возможность назначения конфискации имущества за преступления, предусмотренные ст. 200¹, 226¹, 229¹ УК РФ.

Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации

в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» подвергает криминализации новые квалифицирующие признаки ряда составов преступлений, в том числе предусмотренных ст. 131–135 УК РФ. Вместе с тем в содержании обновленных норм наблюдается несоответствие имеющимся положениям уголовного закона. Так, Федеральный закон от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ изменил редакцию п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, регламентировав в качестве квалифицированного вида основного состава преступления убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Думается, что указанной терминологией необходимо было воспользоваться законодательно при оформлении составов преступлений, регламентированных ст. 131–135 УК РФ. Более того, данный подход к законодательному решению исключил бы необходимость введения примечания к ст. 131 УК РФ.

Исключение федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ необходимости установления заведомого знания о несовершеннолетнем возрасте потерпевшего при совершении преступлений, предусмотренных в квалифицированных видах составов, предусмотренных ст. 121, 122, 127¹, 127², 240, 241 УК РФ, позволяет виновным избежать более строгой ответственности в силу несовершенства предложенной новой редакции указанных уголовно-правовых норм. Дефект юридической техники состоит в том, что субъектам заражения венерической болезнью, заражения ВИЧ-инфекцией, торговли людьми, использования рабского труда, вовлечения в занятие проституцией, организации занятия проституцией не могут инкриминироваться соответствующие отягчающие обстоятельства при отсутствии доказательств заведомого знания о недостижении лицом совершеннолетия.

Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ внес в Уголовный кодекс дополнения, связанные с криминализацией специальных видов мошенничества в сфере кредитования, при получении выплат, с использованием платежных карт, в сфере предпринимательской деятельности, в сфере страхования, в сфере компьютерной информации (ст. 159¹–159⁶ УК РФ). Значительный перечень видов указанной формы хищения чужого имущества, реализованного специфическим способом, от-

разился на увеличении доли зарегистрированных преступлений в 2013 г. (7,4 %). При этом вследствие сложности толкования диспозиций исследуемых уголовно-правовых норм обозначились проблемы квалификации данных преступлений.

Непоследовательность реализации уголовно-правовой политики в сфере пенализации (депенализации) деяний нашла отражение в исключении Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ из видов наказаний конфискации имущества и в последующем введении ее Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ в действие в качестве иной меры уголовно-правового характера. Необдуманность законодательных решений проявляется в предоставленной данным федеральным законом судам возможности повторного принятия решения об условном осуждении, несмотря на совершение в течение испытательного срока нового преступления, не являющегося особо тяжким. Избранная позиция противоречит юридической природе условного осуждения, функциям и целям указанной меры уголовно-правового характера. Нарушение условий испытания, как правило, влечет отмену действия анализируемого института и реальное исполнение назначенного приговором наказания. Совершение условно осужденным в течение испытательного срока умышленного преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления сопровождается отменой условного осуждения и назначением наказания по совокупности приговоров (ч. 5 ст. 74 УК РФ). Вследствие этого содержание нормы, предусмотренной ч. 6² ст. 88 УК РФ, не соответствует основаниям отмены действия указанной меры уголовно-правового характера. Отмеченные противоречия неизбежно отражаются на эффективности функционирования указанного института. Возможность условно осужденным несовершеннолетним избежать наказания формирует определенные условия для совершения нового преступления в течение испытательного срока.

Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» были внесены изменения в правовое

регулирование оснований и порядка назначения ограничения свободы. Карательная сущность анализируемого вида наказания проявляется в ограничении осужденных в свободе передвижения, выборе места жительства и места пребывания. Анализ ограничения свободы позволяет выявить ряд обязанностей, возлагаемых на условно осужденных, в модифицированной форме воспроизведенных в ч. 1 ст. 53 УК РФ. Однако сравнительный анализ условного осуждения и ограничения свободы позволил выявить определенное сходство между карательными их свойствами. Кроме того, представляется недостаточно обоснованной дифференциация уголовно-правовых последствий в случаях злостного уклонения от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве основного или дополнительного вида наказания. Правовое положение осужденного, отбывающего дополнительный вид наказания, оказывается менее предпочтительным, нежели лица, отбывающего ограничение свободы в качестве основного наказания. Злостное уклонение осужденного от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве основного вида наказания, может повлечь замену неотбытой части наказания принудительными работами или лишением свободы из расчета один день принудительных работ либо лишения свободы за два дня ограничения свободы. Между тем злостное уклонение от отбывания ограничения свободы, назначенного лицу в качестве дополнительного наказания, в соответствии с ч. 1 ст. 314 УК РФ наказывается принудительными работами или лишением свободы на срок до одного года.

Существенной модификации подлежал механизм уголовно-правового регулирования с принятием Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Между тем определенное сомнение вызывает изменение представления о категории преступлений небольшой тяжести, образуемых в настоящее время умышленными и неосторожными деяниями, максимальное наказание за совершение которых не превышает трех лет лишения свободы. В результате только в 2013 г. почти половина зарегистрированных преступлений была отнесена к категории небольшой тяжести (42,1 %), что исключило возможность назначения указанной группе лиц реального отбывания наказания. Наиболее ве-

роятым последствием факта совершения данного преступления становится освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, назначение условного осуждения. Подобная возможность ограничена в отношении признанных виновными в совершении преступлений средней тяжести (33,5 %). Уголовная ответственность в отношении указанной категории лиц, как правило, реализуется в форме условного осуждения либо назначения наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Более строгие виды наказаний могут быть назначены лишь незначительной группе осужденных за тяжкие (19 %) и особо тяжкие (5,4 %) преступления. Указанный перечень лиц может быть дополнен при назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии, при рецидиве преступлений, по совокупности преступлений или приговоров, наличии иных отягчающих наказание обстоятельств. Изменение редакции ст. 15 УК РФ значительно сузило круг лиц, подлежащих наказанию, связанным с изоляцией осужденных от общества. Последствием этого становится снижение удельного веса осужденных к лишению свободы и стабильное увеличение доли осужденных к альтернативным видам наказаний.

Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» вводит принудительные работы как новый вид наказания. Между тем противоречивая природа принудительных работ заведомо ставит под сомнение эффективность его применения. Наличие ряда сходных признаков с отдельными видами наказаний и условным осуждением изначально создает конкуренцию норм, затрудняющую правоприменительную деятельность. Критической оценки заслуживает возможность назначения принудительных работ за совершение отнюдь не тождественных категорий преступлений лицам, характеризующимся различной степенью общественной опасности. Проблематичным представляется достижение цели исправления путем использования осужденного на неестественных, несвободных работах в течение сравнительно продолжительного времени. Затруднительными выглядят процесс исполнения данного вида наказания, установления контроля над осужденными, реализация предусмотренных функций и достижение поставленных целей. Вследствие этого

возникает закономерный вопрос относительно целесообразности внедрения в перечень видов наказаний принудительных работ, не обладающих принципиальным отличием от регламентированных законом наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Недостаточная научно-практическая обоснованность новеллизации ст. 53¹ УК РФ и гл. 8¹ УИК РФ подтверждается установлением срока введения в действие принудительных работ Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ с 1 января 2013 г. с последующим изменением срока применения указанного вида наказания с 1 января 2014 г. В дальнейшем Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 431-ФЗ «О внесении изменения в статью 8 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» с учетом проблематичности правового регулирования устанавливает новый срок введения в действие принудительных работ с 1 января 2017 г.

Определенные правовые коллизии наметились с увеличением Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. срока рассрочки выплаты штрафа с трех до пяти лет, предопределившим возможность злостного уклонения от его уплаты с учетом предусмотренных законом последствий (ч. 5 ст. 46 УК РФ), как правило, исключающих замену данного вида наказания на лишение свободы на определенный срок. Указанное положение не распространяется на осужденных к наказанию в виде штрафа за преступления коррупционной направленности. Проблематичность подобного законодательного решения подтверждается периодом состояния судимости лица, подвергнутого указанному виду наказания. Предоставление осужденному отсрочки до пяти лет с учетом одного года срока погашения судимости при исполнении более мягкого вида наказания, чем лишение свободы, указывает на действие института судимости в течение шести лет. Принимая во внимание категорию совершенного преступления, как правило, небольшой или средней тяжести, сложно признать обоснованной такую продолжительность особого правового состояния осужденного, которая не вызвана повышенной общественной опасностью лица и реализованного деяния. Затруднительное материальное положение осужденного к штрафу не может служить основанием для идентификации периода состояния судимости фактически со сроком ее

погашения, предусмотренным для осужденных к лишению свободы за тяжкие преступления.

Проблемы реализации уголовно-правовых норм наметились в том числе с увеличением максимального предела отбывания обязательных работ с 240 до 480 часов. Исполнение данного вида наказания наряду с основной работой или учебой в течение не более четырех часов в день актуализировало вопрос по поводу возможного периода его исполнения. Продолжительное время отбывания обязательных социально полезных, как правило, неквалифицированных работ без соответствующей оплаты труда ставит под сомнение эффективность их исполнения. В этой связи повышается вероятность злостного уклонения осужденного от отбывания наказания, которое может быть заменено в настоящее время только на лишение свободы. Увеличение удельного веса осужденных к исправительным работам отчасти связано с предоставлением возможности их назначения лицам как имеющим, так и не имеющим основного места работы. Высокий уровень регистрации преступлений, совершенных лицами, не имеющими постоянного источника дохода (65,7 %), казалось бы, подтверждает целесообразность избранной позиции. Однако возникает проблема исполнения исправительных работ помимо основного места работы с учетом отсутствия у руководителя учреждения, организации, предприятия, фирмы стремления к трудоустройству осужденного.

Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ исключил вероятность назначения лишения свободы на определенный срок осужденным за впервые совершенное преступление небольшой тяжести при отсутствии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ. Однако для данного правила предусмотрено соответствующее исключение для осужденных за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231, ст. 233 УК РФ. Противоречивость законодательного решения подкрепляется введенным в ст. 56 УК РФ положением, предусматривающим возможность назначения лишения свободы при условии его наличия в качестве единственного вида наказания за преступления небольшой тяжести. Соответственно, возникает закономерный вопрос относительно необходимости устранения дефектов юридической техники путем введения в санкции подобных уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за

указанные преступления, альтернативных лишению свободы видов наказаний.

Спорные моменты возникают на правоприменительном уровне в связи с введением нового вида освобождения от уголовной ответственности (ст. 76¹ УК РФ), ориентированного на компенсацию причиненного вреда преступлениями в сфере экономической деятельности. Вследствие этого возникла проблема двойной компенсации причиненного вреда в федеральный бюджет. Указанное положение уголовного закона противоречит принципу справедливости с учетом необходимости перечисления дохода, полученного в результате совершения преступления, и пятикратной денежной компенсации в федеральный бюджет. Кроме того, следует отметить несоответствие названия ст. 76¹ УК РФ наименованиям иных статей, предусмотренных гл. 11 УК РФ. Применение каждого вида освобождения, регламентированного данной главой за исключением ст. 76¹ УК РФ, предполагает установление соответствующих правовых оснований и условий.

Анализируя проблемы дифференциации уголовной ответственности, следует обратить внимание на внесенные в содержание санкций отдельных уголовно-правовых норм изменения. В этой связи достаточно отметить последствия, связанные с модификацией категорий преступлений при отсутствии для этого видимых оснований. Так, основной состав похищения человека трансформируется из тяжкого преступления в преступление средней тяжести. Снижению подлежат максимальные пределы наказаний в виде лишения свободы за квалифицированные виды исследуемого состава преступления. При этом санкция нормы за торговлю людьми остается без изменения – до шести лет лишения свободы. Соответственно, наиболее тяжелой в гл. 17 УК РФ становится торговля людьми, несмотря на идентичный объект посягательства с преступлением, связанным с похищением человека. Такой подход проецирует рассогласованность санкций уголовно-правовых норм и нарушение адекватности назначаемых наказаний при наличии тождественных по степени общественной опасности преступлений.

Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за престу-

пления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» предусматривает возможность назначения пожизненно-го лишения свободы за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14 лет. Правовые коллизии норм, предусмотренных ч. 1 ст. 57 УК РФ и ч. 1 ст. 87 УК РФ, требуют своевременного устранения, исключающего возможные проблемы на правоприменительном уровне. Вследствие этого законодатель должен избрать единую концепцию установления несовершеннолетнего возраста, руководствуясь международно-правовыми стандартами и учитывая национальную систему права.

Сомнительной представляется продолжительность предусмотренного в санкциях норм срока лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, установленного Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ за отдельные квалифицированные виды преступлений. Преступления против здоровья, свободы и общественной нравственности, реализованные при отягчающих обстоятельствах, предусматривают такую возможность. Между тем реализация уголовной ответственности в форме лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, соответственно, до 10 или 15 лет за преступления, предусмотренные п. «б» ч. 2 ст. 121, ч. 3 ст. 122, п. «б» ч. 2 ст. 127¹, п. «б» ч. 2 ст. 127², ч. 3 ст. 240, ч. 2, 3 ст. 241 УК РФ, представляется проблематичной в плане достижения целей наказания.

Проведенный анализ отдельных фрагментов предпринятой в условиях правовой реформы новеллизации уголовного законодательства служит дополнительным подтверждением необходимости принятия и оформления Концепции уголовно-правовой политики РФ на нормативно-правовом уровне. Поддерживая предложенный экспертами Комиссии Общественной палаты РФ проект, хотелось бы остановиться на методологических, общетеоретических и уголовно-правовых доктринальных подходах, заслуживающих осмысления при создании Концепции уголовно-правовой политики РФ.

Стоит заметить, что целесообразность нормативно-правового оформления целей, задач и направлений «уголовной политики» получила отражение в доктрине уголовного

права в трудах С. Гогеля, Ф. Листа, М. Чубинского и других представителей отечественных и зарубежных юридических школ, содействующих становлению и развитию двух направлений – «законодательной» и «правоприменительной политики». Примечательно, что на законодательном уровне уголовная политика как правовая категория получила оформление в разделе 3 УК РСФСР редакции 1926 г. «Общие начала уголовной политики», содержащем основные критерии отграничения преступления от иных правонарушений; основания осуществления уголовного преследования; меры социальной защиты в целях предупреждения преступлений и воздействия на «неустойчивых членов общества»; меры «приспособления совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся» [15]. Одним из ключевых моментов в определении уголовно-правовой политики в 80-х г. XX в. становится обоснование ее социальной обусловленности, послужившее развитию такого направления, как законодательная социология, предусматривающего проведение комплексных эмпирических исследований по созданию методики анализа социальной обусловленности законотворческого процесса.

На современном этапе различные подходы к понятию, принципам, направлениям, формам и методам реализации уголовно-правовой политики получили освещение в работах Н.А. Беляева, Ю.В. Голика, А.Н. Игнатова, А.И. Коробеева, Н.А. Лопашенко, П.Н. Панченко и др. Содержание уголовно-правовой политики, по мнению Н.А. Лопашенко, составляют: определение принципов уголовно-правового воздействия на преступность с учетом принципов уголовного права и правоприменительной деятельности; отграничение преступных деяний от иных правонарушений; общие начала назначения наказания и иных мер уголовно-правового характера [8, с. 270]. К основным формам реализации уголовно-правовой политики представители современной уголовно-правовой мысли относят: правотворческую (законодательную) деятельность, предусматривающую совершенствование уголовного закона; правоприменительную деятельность, предполагающую повышение эффективности деятельности правоохранительных органов; деятельность компетентных государственных и негосударственных органов и учреждений по профилактике и пред-

упреждению преступности, правовому воспитанию граждан, развитию правовой культуры и преодолению правового нигилизма. Основными методами реализации уголовно-правовой политики признаются: криминализация, декриминализация, пенализация, депенализация; дифференциация и индивидуализация ответственности. При этом Ю. Голик и И. Рагимов подчеркивают, что в современном мире в условиях «мимикрирования» преступности, увеличения числа людей, характеризующихся «допреступным поведением», которое «в один момент может породить множество как традиционных преступлений, так и новых, не известных современной теории и практики», актуальным вопросом уголовно-правовой политики становится «выработка эффективных форм реагирования на появляющиеся формы и виды преступности [6, с. 123].

Анализируя содержание доктринальных положений уголовно-правовой политики, следует обратить внимание на методологические основы юридического познания, разработанные наукой теории государства и права. Так, Н.С. Таганцев, раскрывая методологию уголовного права, писал, что вопрос о методах права относится к общей теории права, так как «в этом отношении право уголовное не представляет чего-либо исключительного». Подчеркивая значимость «научной обработки права», «жизнепригодность», Н.С. Таганцев акцентирует внимание на «устойчивости правовых норм». «Прочными», по его мнению, могут быть только те положения закона, в которых выразились исторически сложившиеся народные воззрения, так как «закон, не имеющий корней в исторических условиях народной жизни, всегда грозит сделаться эфемерным, сделаться мертвой буквой». Более того, «историческая почвенность» есть условие «жизненного значения закона». Задачей позитивного права, по Н.С. Таганцеву, должно быть не догматическое изложение начал права, а «изложение с учетом критической их оценки на основании данных практики и начал науки, на основании опыта других народов и отечественной истории права» [13, с. 27–30].

Таким образом, в процессе оформления концептуальных положений уголовно-правовой политики, структурирования ее содержания, определения целей и задач, форм и методов реализации особого внимания заслуживают доктринальные положения, обосновывающие

теоретико-методологические основы правовой политики в целом. В соответствии с доктринальными положениями, разработанными наукой теории государства и права, правовая политика представляет собой научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных и негосударственных органов по созданию эффективного механизма правового регулирования посредством использования юридических средств. Как справедливо подчеркивает А.В. Малько, правовая политика играет ключевую роль, поскольку именно через правовые установления государство может оказывать долговременное корректирующее влияние на политическую и социально-экономическую жизнь общества [9; 12, с. 120]. Концепция правовой политики, в свою очередь, представляет собой конституирование обоснованных на научном и организационно-практическом уровнях взглядов, определяющих цели, задачи, направления, характер, пределы, сроки и эффективность проводимых правовых преобразований.

Необходимость выработки в условиях современной модернизации правовой системы России концептуальных основ правовой политики подчеркивает Н.В. Исаков, указывающий на три основных составляющих: обоснование в концепции целей правовой политики; «адекватных цивилизованных средств» правовой политики; мер, направленных на достижение целей правовой политики [12, с. 120]. Принимая во внимание, что концепция правовой политики осуществляет консолидацию «идей стратегического характера», В.В. Трофимов указывает, что при создании концепции во главу угла должно быть поставлено научное обоснование «охраноспособных правовых разработок», использование апробированных правовых решений, с максимальной точностью прогнозирующих правовые последствия. Концептуальное оформление правовой политики требует разработки социально адекватных правовых решений, носящих характер «опережающего отражения» и вместе с тем являющихся «жизненно» (социально) применимыми, т.е. «признаваемыми непосредственными участниками правовой жизни (субъектами гражданского общества) и predisposed к воспроизводству в социально-интерактивных правовых подсистемах» [14, с. 101]. Определяя характер концептуальных правовых решений, А.В. Поляков под-

черкивает органичность правовой политики, недопустимость случайных, поверхностных, частных интересов, влияния «модной идеологии» и приоритетность творческого совершенствования социальной жизни при помощи правовых средств [14, с. 102].

Следует учитывать, что концептуальное оформление правовой политики государства предполагает стандартизацию научно обоснованных принципов. По мнению Н.И. Матузова, к числу основных сформулированных в науке теории государства и права принципов правовой политики следует относить: соответствие международным стандартам; приоритетность прав человека; легитимность (законность); социальную обусловленность; научную обоснованность; устойчивость и предсказуемость (стабильность); гуманность и нравственность; справедливость; гласность; сочетание интересов государства и личности [10, с. 33].

Вместе с тем концептуальное оформление правовой политики должно осуществляться с учетом конституционных принципов государственно-правового развития. Исходя из декларируемых Конституцией РФ принципов и норм основополагающими принципами государственно-правового строительства на современном этапе являются: приоритет норм международного права в обеспечении естественных и неотчуждаемых прав и свобод человека, гарантирующих равенство всех перед законом, неотвратимость ответственности, личную виновную ответственность, недопустимость повторного привлечения к ответственности за одно и то же преступление, право обжалования незаконных действий (бездействий) государства, государственного органа и должностного лица; право на восстановление причиненного незаконными действиями ущерба; демократизм, означающий доступ народа к реализации законодательной, исполнительной и судебной власти и предусматривающий законодательное определение юридических и иных ресурсов, обеспечивающих влияние общества на политику государства, в том числе в сфере правотворчества и правоохранительной деятельности; федерализм, детерминирующий гармонизацию федерального и регионального законодательства в обеспечении прав и свобод человека, согласованность деятельности федеральных и региональных органов государственной власти по реализации уголовно-правовых норм в контексте противодействия

преступности на национальном и региональном уровнях; принцип правовой государственности, гарантирующий верховенство права, приоритет интересов общества и личности в отношении интересов государства, разделение властей и недопустимость смешения в реализации законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти; принцип создания социального государства, гарантирующий создание государством условий для достойной жизни и свободного развития человека.

Из вышесказанного следует, что уголовно-правовая политика представляет собой системообразующий элемент правовой политики государства, направленный на достижение стратегической цели – формирование нормативно-правовой основы, обеспечивающей надлежащую охрану законных прав личности, общества и государства от преступных посягательств и решение задач, связанных с реализацией мер по уменьшению и устранению преступности. Разработка Концепции уголовно-правовой политики РФ должна базироваться на фундаментальных доктринальных принципах правового регулирования общественных отношений, универсальных принципах и нормах международного права, конституционализированных принципах современного отечественного государственно-правового строительства.

Создание Концепции уголовно-правовой политики предполагает системный подход, предусматривающий оптимизацию законодательной, организационно-практической, правоприменительной деятельности. Последовательность и эффективность уголовно-правовой политики предопределяется прежде всего использованием при разработке концептуальных положений научной методологии. Научные основы уголовно-правовой политики должны включать совокупность теоретических и эмпирических знаний, раскрывающих научную обоснованность концептуальных правовых решений, содействующих оптимизации деятельности государства по противодействию преступности и обеспечению безопасности личности в целом.

Одним из приоритетных направлений уголовно-правовой политики РФ следует признать повышение качества принимаемых законов и эффективности содержащихся в них норм. Эффективность правовой нормы определяется процессом ее «социального становления», «юридического оформления» и «про-

гнозированием последующей социализации правовых норм в конкретных жизненных условиях» [12, с. 125]. Для повышения качества принимаемых законов и эффективности содержащихся в них норм во избежание системного характера недостатков, просчетов в законотворческой деятельности требуется совершенствование правовых основ организации правотворческой деятельности в процессе разработки и принятия нормативно-правовых актов, упорядочения законодательства и актов правоприменительной деятельности.

В целях повышения эффективности правотворческой деятельности необходимо концептуальное оформление принципа публичности уголовно-правовой политики в сфере правотворчества посредством закрепления комплексного подхода к организации участия в разработке законопроектов научных учреждений, научно-исследовательских центров и ученых различных специальностей, научно-исследовательских подразделений в рамках правоохранительной системы, органов исполнительной власти федерального и регионального уровня, органов местного самоуправления, обеспечивающих реализацию правовых решений, и проведения детального и всестороннего обсуждения законопроектов специалистами, представителями научных учреждений, заинтересованных органов и общественных кругов. Для повышения уровня научной организации правотворческого процесса необходимы интеграция и трансформация научных знаний, в том числе в области как юриспруденции, так и политологии, социологии, экономики и других областей научных знаний.

Концепция уголовно-правовой политики должна содержать не «догоняющую», а «опережающую» модель правового регулирования. С учетом того что правотворчество (правообразование) представляет собой относительно долговременный процесс, в этой связи первостепенным является определение объективной потребности в данной правовой регламентации общественных отношений. Следовательно, эффективная реализация уголовно-правовых норм требует концептуального оформления принципов и порядка проведения надлежащего социально-правового мониторинга, а также комплексного использования правового моделирования, социального прогнозирования и иных экспериментальных методов. Вместе с тем оптимизация право-

творческой деятельности должна исходить из учета таких основополагающих принципов правовой политики, как принцип преемственности и самобытности российской правовой системы. Учитывая тот факт, что применение незначительных мер «охранительного либерализма» может привести к противоречиям с онтологическими социокультурными традициями и потребностями российского общества, актуальным следует признать использование метода сравнительного правоведения, позволяющего «сдержанно» относиться к заимствованию норм из «чуждых для России правовых семей» и избежать «слепого копирования западных образцов» [12, с. 120–121].

Актуальным является обеспечение в процессе правотворческой деятельности неуклонного соблюдения разработанных наукой приемов и средств юридической техники, исключающих пробельность и коллизионность уголовного законодательства, противоречивость в определении мер уголовно-правового характера, «удвоение правовых категорий», позволяющих неоднозначно толковать правовые нормы на правоприменительном уровне. Особую роль в повышении результативности и эффективности уголовного закона и совершенствовании правоприменительной деятельности следует отвести проведению многоуровневой экспертизы законопроектов и социально-правовому мониторингу общественного мнения по вопросам правотворчества и правоприменения. В целях совершенствования уголовного законодательства актуальным вопросом становится централизация и координирование экспертной деятельности, сбалансированность экспертной деятельности государственных и негосударственных институтов, использование новых методик проведения правовой экспертизы законопроектов. Одним из методов повышения эффективности уголовного закона следует признать оптимизацию общественной экспертизы, проводимой в рамках как государственных, так и негосударственных институтов. Существенную роль в проведении экспертизы законопроектов должны играть общественные объединения. Внимания заслуживает установление «прозрачной обратной связи», предполагающей ответ компетентных органов на заявленные в рамках независимой экспертизы замечания, содержащий мотивированное обоснование причин отклонения позиции научного сообщества и представителей гражданского общества.

Существенную роль в повышении эффективности уголовного закона и совершенствовании правоприменительной деятельности играет эффективная правовая реализация и социализация решений правового характера на предметном и субъектном уровнях. Следовательно, Концепция Уголовно-правовой политики должна раскрывать: принципы организации согласованной деятельности институтов публичной и общественной власти по созданию уголовно-правовых норм; принципы организации контроля за правоприменительной деятельностью уполномоченных органов государства, полиции, прокуратуры, судов, органов, ответственных за исполнение уголовных наказаний, со стороны государства и общественных объединений; принципы согласованной и сбалансированной деятельности по профилактике уголовных правонарушений. Принимая во внимание, что преступность представляет собой социальное явление и выступает продуктом наличия в обществе объективных причин, детерминирующих совершение преступления, уголовно-правовую политику государства по противодействию преступности следует рассматривать как системную деятельность органов и учреждений государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, направленную

на ликвидацию объективных причин уголовных правонарушений и устранение из сознания представителей современного российского общества субъективных условий совершения общественно опасных деяний посредством адекватного сочетания апробированных и подлежащих реализации на правоприменительном уровне мер убеждения и принуждения.

Резюмируя вышеизложенное, следует заключить, что в условиях глобализационных процессов, детерминировавших проведение «масштабных правовых реформ» во всех отраслях российской системы права, повышение эффективности уголовно-правовой политики путем принятия концепции признается одним из первоочередных стратегических направлений в деятельности государства, содействующих определению цели, задачи и обоснованию основополагающих принципов модернизации уголовного законодательства. Конвенциональное закрепление уголовно-правовой политики в условиях обновления правовой системы служит решению возникающих в процессе политико-правовой и социально-экономической эволюции насущных проблем посредством комплексного использования доктринальных, правотворческих, правоприменительных, интерпретационных и иных юридических ресурсов.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев В.А. Национальная уголовно-правовая политика в сфере противодействия преступности / В.А. Авдеев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2012. – № 4. – С. 21–28.
2. Авдеев В.А. Оптимизация целей наказания в контексте предупреждения преступности / В.А. Авдеев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 2. – С. 41–53.
3. Авдеева Е.В. Механизм уголовно-правового регулирования свободы личности в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Авдеева. – Екатеринбург, 2013. – 28 с.
4. Авдеева О.А. Наказание как мера противодействия преступности: ретроспективный анализ законодательной регламентации в национальном праве / О.А. Авдеева // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 1. – С. 119–126.
5. Бабаев М. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации / М. Бабаев, Ю. Пудовочкин // Уголовное право. – 2012. – № 4. – С. 4–12.
6. Голик Ю. Навстречу XIII Конгрессу ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию / Ю. Голик, И. Рагимов // Уголовное право. – 2013. – № 6. – С. 120–124.
7. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика: понятие, содержание, теоретические основы / А.И. Коробеев // Правовая политика субъектов Российской Федерации : материалы круглого стола, 26 сент. 2001 г. – Владивосток, 2002. – 325 с.
8. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия / Н.А. Лопашенко. – СПб., 2004. – 339 с.
9. Малько А.В. Современная российская правовая политика и правовая жизнь / А.В. Малько // Научные труды. Сер. «Юридические науки». – 2001. – № 1. – С. 10.
10. Матузов Н.И. Общая концепция и основные приоритеты российской правовой политики / Н.И. Матузов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2000. – № 8. – С. 33.
11. Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – Режим доступа: <http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/how>.
12. Правовая политика в условиях модернизации (по материалам Всероссийской конференции в Институте государства и права РАН) // Государство и право. – 2011. – № 10. – С. 118–126.

13. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая / Н.С. Таганцев. – Тула, 2001. – 800 с.
14. Трофимов В.В. Правовая политика как научная основа правовых реформ / В.В. Трофимов // Государство и право. – 2010. – № 6. – С. 101–104.
15. Эстрин А.Я. Развитие советской уголовной политики / А.Я. Эстрин. – М., 1933. – 263 с.

REFERENCES

1. Avdeev V.A. National criminal and legal policy in the sphere of counteraction of crime. [Avdeev V.A. Nacional'naja ugolovno-pravovaja politika v sfere protivodejstvija prestupnosti]. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2012, no. 4, pp. 21–28.
2. Avdeev V.A. Purposes of punishment optimization in the context of crime prevention. [Avdeev V.A. Nacional'naja ugolovno-pravovaja politika v sfere protivodejstvija prestupnosti]. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2013, no. 2, pp. 41–53.
3. Avdeeva E.V. Mechanism of legal regulation of individual freedom in the Russian Federation. [Avdeeva E.V. Mehanizm ugolovno-pravovogo regulirovaniya svobody lichnosti v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk]. Ekaterinburg, 2013, 28 p.
4. Avdeeva O.A. Punishment as a crime counteraction measure: retrospective analysis of legislative regulation in national law system. [Avdeeva O.A. Nakazanie kak mera protivodejstvija prestupnosti: retrospektivnyj analiz zakonodatel'noj reglamentacii v nacional'nom prave]. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava – Criminology journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2013, no. 1, pp. 119–126.
5. Babaev M., Pudovochkin Ju. Criminal legal policy concept of the Russian Federation. [Babaev M., Pudovochkin Ju. Konceptija ugolovno-pravovoj politiki Rossijskoj Federacii]. *Ugolovnoe pravo – Criminal law*, 2012, no. 4, p. 5.
6. Golik Yu., Ragimov I. Towards XIII Congress of the United Nations Crime Prevention and Criminal Justice [Golik Ju., Ragimov I. Navstrechu XIII Kongressu OON po preduprezhdeniju prestupnosti i ugolovnomu pravosudiju]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*, 2013, no. 6, pp. 120–124.
7. Korobeev A.I. Criminal legal policy: definition, content, theoretical basis. Legal policy of entities of the Russian Federation. Round table summary, 26 September 2001. [Korobeev A.I. Ugolovno-pravovaja politika: ponjatie, sodержanie, teoreticheskie osnovy. Pravovaja politika subjektov Rossijskoj Federacii: materialy kruglogo stola, 26 sent. 2001 g]. Vladivostok, 2002, 325 p.
8. Lopashenko N.A. Fundamentals of criminal and legal impact. [Lopashenko N.A. Osnovy ugolovno-pravovogo vozdejstvija]. Saint-Petersburg, 2004, 339 p.
9. Mal'ko A.V. Current Russian legal policy and legal life. [Mal'ko A.V. Sovremennaja rossijskaja pravovaja politika i pravovaja zhizn']. *Nauchnye trudy. Serija juridicheskie nauki – Scientific works. Legal sciences series*, 2001, no. 1, p. 10.
10. Matuzov N.I. General concept and main directions of Russian legal policy. [Matuzov N.I. Obshhaja koncepcija i osnovnye priority rossijskoj pravovoj politiki]. *Pravovaja politika i pravovaja zhizn' – Legal policy and legal life*, 2000, no. 8, p. 33.
11. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: official. site. – Mode of access: <http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/how>.
12. Legal policy in terms of modernization (based on All-Russian conference held in The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences). [Pravovaja politika v uslovijah modernizacii (po materialam Vserossijskoj konferencii v Institute gosudarstva i prava RAN)]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*, 2011, no. 10, pp. 118–126.
13. Tagantsev N.S. Russian criminal law. Part of total. [Tagancev N.S. Russkoe ugolovnoe pravo. Chast' obshhaja]. Tula, 2001, 800 p.
14. Trofimov V.V. Legal policy as scientific basis of legal reforms. [Trofimov V.V. Pravovaja politika kak nauchnaja osnova pravovyh reform]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*, 2010, no. 6, pp. 101–104.
15. Jestrin A.Ja. Soviet criminal policy development. [Jestrin A.Ja. Razvitie sovetskoj ugolovnoj politiki]. Moscow, 1933, 263 p.

Сведения об авторах

Авдеев Вадим Авдеевич – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета экономики и права, доктор юридических наук, профессор, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: vadim.avdeevich@mail.ru.

Авдеева Ольга Анатольевна – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирской академии права, экономики и управления, доктор юридических наук, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: Avdeeva_O_A@mail.ru.

Information about authors

Avdeev Vadim Avdeevich – Head of Chair of criminal law and criminology of the Baikal National University of economics and law, Doctor of Law, Professor, Irkutsk, Russian Federation; e-mail: vadim.avdeevich@mail.ru.

Avdeeva Ol'ga Anatol'evna – Professor of Chair of state and legal disciplines of Siberian Academy of law, economics and management, Doctor of Law, Irkutsk, Russian Federation; e-mail: Avdeeva_O_A@mail.ru.